

Пламя рвется ввысь.

— Уводи ребёнка!

Мужской голос прогоняет меня. Пламя взмывает всё выше, как в Аду. Стремится поглотить нас, превратить в пепел, выжигая кислород. Включая ребёнка, которого я защищал укрывая своим телом от пламени и жара.

В спешке схватил брата, дёргая его. Но он не двинулся. Ад тянет брата на себя, будто кусает. "Оставь одного из них, иначе я вас не отпущу", словно говорило оно.

У нас нет времени, но мы оба уйдем. Я в отчаянии закричал, борясь изо всех сил, чтобы вытащить брата. Но ничего не менялось. Смерть дышит в спину, а он сказал так спокойно:

— Иди.

Я обнял ребенка. Долг пожарного взял вверх, но человечность мешала. Вечно мечущийся взгляд, безумно трясущиеся руки, а выбор сделать нужно.

— Жди здесь. Обязательно жди! Поверь мне, — я горько плакал, а старший брат улыбнулся и кивнул.

Это конец, ведь я не смогу вернуться. Мы с братом слишком хорошо друг друга знали. Тем не менее, я всё равно обещал.

— Кому мне ещё доверять, если не тебе, Дон Юн, — тихо сказал старший брат.

Я повернулся спешно, смаргивая слезы. Я боюсь умереть, поэтому мне очень стыдно. Вина и отчаяние тянут вниз. Медленно продвигался сквозь огонь, который, как змеиный язык, танцевал вокруг.

Мир рушится, и теперь я слышу только своё хриплое дыхание и сглатывание слюны. В ушах пульсирует. Я инстинктивно обнял ребенка. Взрывная волна отталкивает меня вперёд.

Вокруг разруха. Ни огня, ни дыма. Перед глазами проносятся воспоминания. И улыбающееся лицо брата вспыхивает ярко, как фонарь. Я ничего не предпринял. Беспомощность хватается меня за ногу и лезет на тело.

Мир рухнул.

— Кошмары мучают?

Я открыл глаза, глядя на старого. Схватился за бешено стучащее сердце и снова прикрыл веки. Выдохнул, прогоняя остатки кошмара и медленно приподнялся. Солнечный луч заглядывал в дверь сарайчика. Наступило утро.

— Давай поедим супа с рисовыми клёцками, — улыбнулся старый.

О, ттокук*. Время прошло, и стало легче. Только подумал, что солнце вышло, как почувствовал горько-сладкий привкус во рту. Потёр лицо, пытаюсь проснуться, и осторожно вышел из палатки.

Погода хорошая. Конечно, холод есть, но солнце греет, и на небе ни облачка. Я прищурил глаза, глядя на солнце, которое словно говорило "Что с вами, ребята?". На крыше тишина. Когда я спросил, где братья, старый махнул на лестницу. Прошел мимо меня с улыбкой и сказал бодро:

— Все уже заждались.

Они меня ждали? Тогда лучше поторопиться. Я последовал за стариком, вытирая рукавом насморк и слёзы в уголках глаз. Сердце, бешено стучавшее ранее, постепенно успокаивается.

Я глубоко вздохнул и снова начал проживать новый день.

Спустившись в магазин, почувствовал чудесный аромат. Перевёл глаза на пленников, которые сидели в углу. Кто-то спал, а кто-то таращился на меня. Ничего не обычного. Им принесли одеяла, чтобы они не замерзли.

— Мистер Дон Юн! — позвали меня.

Кан Су Рён и Че Ён махали мне, радостно улыбаясь. Невольно, мои губы тоже растянулись в улыбке. Кивнул им и направился дальше. Комната была наполнена людьми. Все шептались и готовили еду, и в целом вокруг царил новогодняя атмосфера. Посреди комнаты кипела большая кастрюля, и я открыл её, глядя на суп с плавающими клёцками.

— Где ты взяла рисовые клёцки? — спросил я.

Кан Су Рён улыбнулась и указала в сторону желтых одноразовых контейнеров, похожих на те, в которых заваривают лапшу быстрого приготовления. Когда клёцки сварили в кастрюле, то выглядели они довольно симпатично. Но женщина смущённо склонила голову, словно ей было

стыдно это готовить. Я похвалил ее несколько раз, чтобы поняла, что я буду есть ттоккук. Она рассмеялась.

Еда была готова, и люди сели в круг, чтобы встретить Новый год. Суп с клёцками был разлит по мискам. И мы закрыли глаза.

— Спасибо за еду, — тихо сказал старый. — С Новым годом.

— С Новым годом! — воскликнули остальные, и приступили к еде, болтая и смеясь.

Я тоже взял свою одноразовую миску, глядя на суп. Тепло грело пальцы через посуду, и запах был приятный, но я не притронулся. Поставил миску, глядя на ребят.

Новый год.

Это остатки обычной жизни, которых в следующем году может не быть. Сейчас уже не было ничего удивительного в том, что завтра может не наступить. Но группа забыла об этом и просто наслаждалась моментом.

Я посмотрел на Че Ён, которая усердно ела, опустив личико к самой миске. Для меня было радостно то, что у неё получалось ложить ложку в рот, пусть и плоховато. Девочка улыбнулась, когда я вытер ей рот.

И обнаружил то, что раньше не замечал.

Лицо Че Ён было грязным, когда я протер её влажной салфеткой. И я даже не помню, когда девочка мыла голову. У неё был насморк от холода, и одежда ещё с тех времён, когда мы сбежали из университета.

Че Ён время от времени чесалась, пока ела суп. Я аккуратно отогнул её одежду, глядя что тело у неё всё в царапинах. Другие ребята не отличались. Грязные лица, сальные волосы, вонючая и грязная одежда. У меня тоже был насморк, и я видел, что некоторые дети кашляли.

Внезапно в комнате стало холодно, когда я поднял руки, то почувствовал озноб. Холод пронизывал тело даже сквозь одежду и одеяла. Воздух был сухим, но проветривать в холодную погоду не легко.

Я был на пределе.

Думал, что сделал всё, что мог, но это не самое лучшее. Да, я хотел жить, но чувствовал, что угасаю. Если человек не живёт по-человечески, можно ли сказать, что он вообще живёт? Я рад, что спас жизни, но спас не просто, чтобы они лишь дышали.

Но могу ли сказать это при ребенке?

Я надеюсь, что она будет счастлива. Будет питаться хорошо, спать в теплой постели, и беззаботно учиться с детишками её возраста. Пусть я буду есть отходы и спать в них, но хочу, чтобы мой ребёнок вернулся к обычной жизни.

Медленно опустил ложку. Суп остыл, а вместе с ним и моё сердце. Безучастно ждал, пока ребята поедят.

Суп с клёцками потихоньку исчез. Группа встала, собирая пустые миски, и тогда я привлёк их внимание.

— Мне нужно кое-что вам сказать.

Все дружно уставились на меня и тут же стали обратно рассаживаться. Я смотрел на них, а затем повернулся к Юн Палу:

— Юн Пал, приведи его.

— Братан, мы тут.

Дверь снова приоткрылась, и в проём высунулся Юн Пал, почесывая затылок. Он вёл человека, который, колебаясь, смотрел на нас. Я кивнул им заходить, посмотрел на ребят и сказал:

— Он из другой группы выживших.

Все дружно сглотнули, смотря на мужчину, кто-то с любопытством, а кто-то со страхом. Чувствуя пристальные взгляды, пленник опустил голову, а я начал:

— Я думал что они бродяги, однако Ли Ён Гён это опровергла. Он предложил уйти с ними.

Ребята дружно уставились на Ли Ён Гён, которая кивнула, а затем в общих чертах стала рассказывать о приюте и Эдеме. Группа слушала заворожённо и немного недоверчиво. Дождавшись, когда она закончит, я повернулся к мужчине, стоявшему на коленях.

— Рассказывай, — бросил я непринуждённо.

Лицо пленника прояснилось, и он медленно встал, попросив меня достать из его рюкзака брошюру. Я кивнул и послал Юн Пала принести её. Мужчина сказал, что встреча с

выжившими будет такой же осторожной. Он шевельнул связанной рукой, открыв самодельный буклет, и начал объяснение.

— Эдем — это группа выживших или Приют...

Управляет Эдемом так называемый Глава. Там живут около ста человек. Район укреплен, там царит демократия и каждый делает свою работу. Мужчина не забыл добавить, что это последнее пристанище, где живут люди.

У них достаточно бойцов, способных защитить убежище, много припасов, жилые районы, учреждения и больницы. И наконец, электричество, получаемое от солнечных батарей. Убежище оборудовано всем на случай конца света.

Мужчина стал показывать фотографии в брошюре. Я тоже взял их посмотреть.

Люди на фото смеялись. Они позировали, улыбаясь, словно из мечты о лучшей жизни. Человек закончил свою историю и посмотрел на меня встревоженно. Я молча кивнул Юн Палу и тот вывел мужчину за дверь.

В комнате стало тихо.

Я не мог смотреть в глаза ребятам. Не в силах сдержать вздох, поставил пустую железную банку и стал раздавать всем бумагу.

— Не на что не намекаю, но выбор можно сделать анонимно.

Это было лучшее решение. Дать ребятам самим выбирать свою жизнь. Я погладил Че Ён по голове, дав ей бумагу и ручку, и тихо объяснил, чтобы она поняла. Девочка громко поддакнула и рассмеялась. Интересно, она всё поняла? Я был взволнован.

Попросил Кан Су Рён помочь ей сделать выбор, и та кивнула. Я поставил банку и вышел за дверь.

Старый смотрел на меня, когда я вышел за дверь. Он присел рядом, улыбнувшись, когда увидел, что глаза у меня на мокром месте. Отложил дробовик на пол и ткнул меня пальцем в бок.

— Ну, чего плачешь?

Я не мог ответить. Просто эмоции нахлынули. И сожаление, и чувство несправедливости, и облегчение от мысли о том, что я всё сделал правильно. Глубоко вздохнул, глядя на старого.

— Если бы я пошёл с ними, ты бы последовал за мной?

Старый поёрзал и горько рассмеялся, прикрыв рот рукой.

— Если внучка скажет мне идти, то я пойду.

Это понятно. Я отвёл взгляд, рассматривая магазин. Глаза щипало, а в желудке словно комок стоял. Чувствуя облегчение и некоторое расстройство, положил руки на колени. Старый сказал тихо:

— Но лучше я бы пошёл за тобой.

Улыбка растянулась на моём лице. Старик улыбнулся, слегка толкнул меня и гаркнул:

— Мне самому стыдно!

Дверь в комнату открылась, извещая о том, что голосование окончено.

В комнате по-прежнему было тихо. Ребята сидели с мрачными лицами. Я смотрел на них, сглотнув, и наконец вышел на середину. Взял железную банку.

— Начнём...

Только открыл рот, как взгляды обратились ко мне. Пытался прочесть что-нибудь в их лицах, но не мог, потому что слишком всё во мне смешалось. Они смотрели на меня, потом переглянулись и кивнули. Я дрожащими руками открыл крышку банки. Заглянул в неё.

Пусто.

Я застыл, словно громом поражённый. Сунул руку, пошарив на дне, но ничего не нашёл. Медленно поднял голову, не понимая, что происходит, и тут что-то маленькое налетело и обняло меня.

Че Ён.

Она уткнулась лицом в меня, плача. Я удивленно обнял девочку и посмотрел на ребят. Кан Су Рён тихо сказала:

— Я этого не хочу.

— А?

На мой вопрос она вдруг опустила голову и тоже заплакала.

— Мы тебе надоели? Ты устал от нас?

Меня словно обухом по голове приложили. Я молча обнимал Че Ён, которая вытирала об меня лицо. Пролепетал, оправдываясь:

— Я просто хотел дать вам возможность самим решить.

Она замотала головой и громче заплакала.

— Никогда больше не давай мне эту бумагу.

С этими словами она положила скомканный листок посреди комнаты. Остальные, не сговариваясь, сделали то же самое. Сегодня я увидел то, что не видел до этого. Глаза, в которых я отражался, как в зеркале. В них было уважение и вера. Кан Су Рён сказала тихо:

— Я хочу есть горячую еду, наконец принять ванну и выспаться в безопасной хорошей постели....Но мне не нужно всё это, если рядом не будет тебя, Дон Юн.

*Ттоккук — блюдо корейской кухни, суп с клёцками "тток". Его обычно едят на Корейский Новый год. В ттоккук добавляют два ингредиента — подливку и тонко нарезанные рисовые лепёшки "тток". Считается, что есть ттоккук — хорошее предзнаменование, а чашка ттоккука продлевает жизнь на год. В ттоккук часто добавляют нарезанное варёное яйцо, маринованное мясо и водоросли ким.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4856413>